

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327.8

Неопрометеизм в восточной политике Польши¹*И. В. Грецкий*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Грецкий И. В.* Неопрометеизм в восточной политике Польши // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 136–142. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.109>

Отношения Польши с восточными соседями можно отнести к кругу самых популярных сюжетов, которые изучаются в контексте ее внешней политики. Несмотря на отсутствие недостатка в публикациях по этой теме, фундаментальные труды с анализом восточной политики Польши издаются нечасто. Рецензируемый труд П. Коваля, вне всяких сомнений, относится именно к такой категории профессиональной литературы, а потому его появление было встречено с огромным интересом в экспертных кругах. Неслучайно он был номинирован на целый ряд самых престижных наград, в том числе на премию им. К. Мочарского.

Книга, по сути, является продолжением длящихся с момента основания 3-й Республики интенсивных дискуссий об истоках и принципах внешней политики Польши в отношении ее восточных соседей. В фокусе внимания автора находится важнейший период в истории не только Польши, но и международных отношений в целом: 1989–1991 гг. После оглушительной победы «Солидарности» на выборах в Сенат в Польше начался стремительный демонтаж структур просоветского политического режима. Относительно мягкий характер процесса перехода власти был обусловлен, по мнению П. Коваля, гибкой позицией В. Ярузельского, который еще с лета 1985 г. стал менять свои взгляды не только по внутренней но и по внешней политике. В частности, именно при нем началась институциональная реорганизация политики в отношении СССР и открылись консульства во Львове и Вильнюсе. При нем в повестке дня отношений с восточным соседом появились темы польских меньшинств и поддержки католического костела. Однако тогда идейная канва по-

¹ [Рец. на кн.:] Kowal P. Testament Prometeusza. Źródła polityki wschodniej III Rzeczypospolitej. Warszawa; Wojnowice: Kolegium Europy Wschodniej, Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 768 s.

литики В. Ярузельского и его команды оставалась прежней: она полностью исключала возможность отдельного выстраивания отношений с литовцами, белорусами и украинцами. Для последнего коммунистического лидера Польши, как и для его московского коллеги М. С. Горбачева, советская перестройка была лишь возможностью рестайлинга своего режима, а не проведения фундаментальных реформ. Тем не менее в быстро менявшихся условиях Ярузельский не стал препятствовать переменам, несмотря на то что принципы политического курса «Солидарности» радикально отличались от тех, по которым Польша жила более сорока предыдущих лет. Он понимал, что у дискредитировавшего себя «социализма по-советски» в Польше нет никаких перспектив. Уже на момент формирования правительства Т. Мазовецкого в обществе созрел широкий консенсус относительно образа будущего новой страны: Польша должна была стать современным государством с рыночной экономикой по западному образцу и занять достойное место в европейской семье консолидированных демократий. Такая картина была органичной частью стратегии отношений Польши с США и странами ЕЭС, но она требовала кардинального пересмотра восточного вектора внешней политики.

В своей книге П. Коваль уделяет много места терминологии. Так, он настаивает на корректности использования термина «восточная политика», хотя некоторые польские ученые полагают, что в современных условиях это не совсем релевантно. Например, по мнению известного польского историка С. Дембского, традиционным содержанием восточной политики был поиск ответа на вопрос, как противостоять имперским аппетитам безальтернативного восточного соседа — Российской империи и СССР [1, s. 6]. С исчезновением последнего политическая карта Европы существенно изменилась, что открыло широкие возможности для Польши, которая впервые за очень долгое время стала граничить с несколькими независимыми государствами. Это обстоятельство заставило несколько модифицировать концепцию польской внешней политики и отказаться от значительной части наследия Гедройча — Меровшского. Восточная политика, по сути, уступила место нескольким отдельным «политикам». С. Дембски считает, что восточная политика хоть и ушла в прошлое, но поспособствовала маргинализации темы территориальных споров в отношениях с соседями, а также отказу польского общества от имперских нарративов [1, s. 9]. Другой влиятельный ученый, А. Шептицкий, полагает, что современная политика Польши хоть и является идейной наследницей «доктрины Гедройца», но после 1989–1991 г. прошла путь серьезной содержательной трансформации, в особенности после вступления Польши в Европейский Союз [2, s. 314–316].

Тем не менее П. Коваль для своей книги определяет «восточную политику» в духе конструктивизма — как пространство, имеющее определенную культурно-цивилизационную специфику, а именно общее постимперское прошлое. Поэтому начавшийся в польской элите поиск оптимальной модели отношений с СССР П. Коваль далее анализирует сквозь призму конструктивистской теории международных отношений. Вслед за А. Вендтом он постулирует важнейшую роль *идей* в формулировании национальных интересов и внешнеполитических концепций государств. Именно идейная начинка восточной политики и ее трансформация являются предметом его интереса. Такой подход позволяет показать уникальность термина «восточная политика», который характеризует специфику польского подхода к отношениям со своими восточными соседями. По П. Ковалю,

ключом к его пониманию является история, на основе которой сформировались политические мифы о Ягеллонской Польше и о «восточных кресах», а также коллективная память о грозном восточном соседе, которым вплоть до 1989 г. была имперская Россия. Во многом эта память основана на травматичном опыте периода утраты национального государства: политические репрессии и ссылки в Сибирь, советско-польская война, вторжение советских войск в сентябре 1939 г. и последующая оккупация польских территорий, а также массовые казни польских офицеров весной 1940 г.

В связи с этим неслучайным кажется то, что все перечисленные в книге конкурировавшие между собой в 1989–1991 гг. парадигмы восточной политики строились на двух общих постулатах: антиимпериализме и идее независимого польского государства. По большому счету разница между ними была только в том, что одни исходили из того, что СССР, несмотря на экономический и политический кризис, надолго останется влиятельным международным игроком, а другие предполагали эволюцию союзных республик в самостоятельные государства. В условиях геополитической неопределенности вокруг судьбы СССР симбиоз этих двух вариантов логично воплотился в «политику двухколейности», предписывавшую сохранять доброжелательные контакты с Кремлем, при этом налаживая активное сотрудничество с республиканскими властями [3, s. 51–52].

Итоги «политики двухколейности» сегодня оцениваются неоднозначно [4, p. 54–55]. Ее успех многие польские авторы считают ограниченным из-за чрезмерной осторожности министра иностранных дел К. Скубишевского на восточном направлении. Например, его упрекают в нерешительности по вопросу о выходе из Организации Варшавского Договора, в затягивании с признанием независимости Литвы [5, s. 60–67] и даже медлительности с признанием независимости Украины [6, s. 65]. Рисуя политический портрет министра, П. Коваль показывает, что К. Скубишевскому была чужда концепция польского прометеизма, так как он не допускал самой возможности исчезновения СССР. Его лично и возглавляемый им клуб познаньских интеллектуалов больше интересовал вопрос польско-германской границы, а восточные дела волновали их очень мало.

Действительно, К. Скубишевский в самом начале своей деятельности на посту министра непременно подчеркивал, что отношения с Советским Союзом — это самый важный элемент внешнеполитической стратегии Польши [7, s. 15–22]. Он действовал не проактивно, а реактивно, отталкиваясь от динамики бурных политических процессов в Москве. Но по мере усиления спроса на суверенитет среди союзных республик его позиция пропорционально менялась. В своем выступлении в Сенате в сентябре 1990 г. он впервые представил развернутую концепцию польской восточной политики [7, s. 69–82]. Она касалась прежде всего СССР и «соседних наций на Востоке» — Украины, Беларуси и Литвы. Кульминация «политики двухколейности» наступила 2 декабря 1991 г., когда Польша стала первым государством, признавшим независимость Украины. То есть логика исторических событий определила действия К. Скубишевского и в конечном итоге подтолкнула его в сторону идей прометеизма. По воспоминаниям его друзей и коллег, министр ни в коем случае не был русофобом, но с презрением относился к навязанному извне политическому строю [8, s. 47–60]. Он в буквальном смысле был «человеком За-

пада», волею обстоятельств вынужденным иметь дело с менее ему понятным восточным соседом — СССР.

Помимо внутривосточных факторов, П. Коваль уделяет серьезное, если даже не большее внимание анализу влияния международного контекста на становление восточной политики Польши. Он неоднократно подчеркивает, что окно возможностей для трансформации восточной политики Польши открылось благодаря коренным переменам на геополитической арене. Среди них было подписание Маастрихтского договора, изменение «большой стратегии» США, роспуск ОВД [9, s. 357] и, разумеется, распад СССР. Последнее обстоятельство имело особое значение для Польши. Дело в том, что буквально на следующий день после провозглашения Верховной радой Украины Декларации о независимости Москва в лице пресс-секретаря президента РСФСР П. Вощанова фактически объявила о своем праве на территориальные претензии в адрес Киева. Обострение отношений по линии Москва — Киев означало, что Варшаве рано или поздно придется делать выбор между противоборствующими сторонами. По мнению П. Ковалья, он был окончательно сделан после признания независимости Украины 2 декабря 1991 г. Это был также выбор в пользу неопрометеизма — стремления обеспечить независимость Польши через противостояние неоимперским веяниям из Москвы и постоянную поддержку самостоятельности постсоветских государств (прежде всего Украины), а также стимулирование среди постсоветских государств курса на демократизацию и европеизацию посредством демонстрации собственных достижений в этих процессах.

Не вступая в спор с автором книги, хотелось бы заметить, что, хотя принципы новой восточной политики Польши и утвердились с распадом СССР, вплоть до 2014 г. неопрометеизм не был ее безальтернативной основой. Да, его позиции в польском истеблишменте были сильны до середины 1990-х годов на волне воодушевления от прокатившейся по постсоветскому пространству волны демократизации. Польские политики верили, что успех польской трансформации (модернизация государства и интеграция с Западом) станет наиважнейшим фактором улучшения польско-российских отношений и одновременно увеличит шансы трансформации России. По расчетам, например, П. Грудзиньского, на трансформацию Польши потребовалось бы одно поколение и ровно столько же времени должно было хватить на основательное преобразование двусторонних отношений [10, s. 11–12]. Однако реформы в России шли гораздо меньшими темпами, чем ожидалось, а с приходом к власти В. Путина в институциональном развитии России стал наблюдаться существенный откат к электоральному авторитаризму [11, с. 24–25]. Одновременно на Украине импульс к движению в сторону европейской интеграции стал заметно ослабевать.

Настоящий ренессанс идей неопрометеизма наступил во время украинской «оранжевой революции» 2004 г. В Варшаве надеялись, что не только смена политического режима в Киеве, но и успешное вступление Польши в ЕС послужит для Украины мощным стимулом для ускорения институциональных преобразований. Но, вопреки ожиданиям, очень амбициозная программа реформ так и не была реализована, а «оранжевые силы» потеряли власть, уступив ее В. Януковичу. Это стало поводом для постепенной переоценки приоритетов во внешней политике Польши и заметного дрейфа в сторону политического реализма. Как полагал тогда советник президента Польши Б. Коморовского профессор Р. Кужняр, утвердившийся в по-

литике Польши прометеизм стал источником разочарований и проблем в отношениях с восточными соседями. Он призывал расстаться с философией внешней политики в интерпретации Е. Гедройча и обратиться к начальной линии Мазовецкого — Скубишевского, заключающейся в постановке и достижении реалистичных целей [12, s. 375–376]. На практике это означало возвращение кремлецентричности постсоветского пространства. С приходом к власти Д. Туска эти перемены в восточной политике Польши стали очевидны. Их символом стала статья министра иностранных дел Р. Сикорского, опубликованная накануне приезда премьер-министра В. Путина на Вестерплатте для участия в мероприятиях, приуроченных к 70-й годовщине начала Второй мировой войны. В тексте Украина не была упомянута ни разу, а Россия охарактеризовалась как страна, которая «никогда в своей истории не была так привержена ценностям демократии, как последние 20 лет» [13].

Украинская революция достоинства 2013–2014 гг., или Евромайдан, стала новым триумфом неопрометеизма. Если раньше даже среди самых стойких польских адвокатов Украины в Европе присутствовал скепсис относительно проевропейскости украинского общества, то после революции этот скепсис был вытеснен новой волной воодушевления, особенно среди старшего поколения политического истеблишмента, вышедшего из рядов «Солидарности». То есть сила позиций неопрометеизма в польской политике обуславливалась динамикой проевропейских настроений на Украине и ее прогресса в сфере демократических преобразований. Думается, что сама книга П. Ковалья была во многом вдохновлена событиями Евромайдана и является аргументом политических идеалистов в их споре с реалистами, которые всегда опасались прямой конкуренции с Россией за будущее региона (см., напр.: [14, s. 306–307]).

Особое место в книге П. Ковалья уделяется Е. Гедройчу и его журналу «Культура» как интеллектуальному объединению, сделавшему наибольший вклад в кристаллизацию концепции восточной политики Польши. Идейной основой убеждений Гедройча были антикоммунизм и стремление обеспечить независимость Польши. Главным препятствием для последней считалась имперская политика СССР. Несмотря на то что первые постулаты «доктрины Гедройца» были сформулированы в 1930-х годах, вплоть до 1989 г. она оставалась лишь интеллектуальной концепцией, результатом размышлений круга читателей и создателей журнала. П. Коваль хорошо показал, что ключевым фактором для развития «доктрины Гедройча» стало военное поражение Польши в 1939 г. Общество сделало вывод, что слишком большая принципиальность в вопросе о границах может поставить под угрозу существование всего государства. Кроме того, после Второй мировой войны к эмигрантской среде постепенно приходило понимание того, что третьей мировой войны не будет, что СССР — это надолго и что США сильно вмешиваться в дела Европы не станут.

«Культура» сыграла свою роль и в том, что в польском языке укоренился сам термин «восточная политика». Он был введен в оборот Ю. Мерошевским по аналогии с германской Ostpolitik. Тем не менее П. Коваль подчеркивает, что у польского понятия содержание абсолютно иное и оснований для смысловых параллелей тут нет. В самом деле, появление Ostpolitik ознаменовало изменение позиции в отношении СССР со стороны Запада, который признал, что существование социалистического лагеря под контролем Кремля — это относительно устойчиво и на-

долго. В результате появилась «восточная политика» ФРГ, фундаментом которой были политический реализм и идея разрядки, достигавшаяся преимущественно за счет интересов стран, суверенитет которых был ограничен советским доминированием. Поначалу в ее основе лежала доктрина Хальштейна, которая, по сути, означала непризнание социалистических стран, поддерживавших отношения с ГДР. При этом для СССР делалось исключение. С приходом к власти в ФРГ социал-демократов начался постепенный отход от доктрины Хальштейна, и независимость ГДР — как и других стран Центральной и Восточной Европы — была в конце концов признана. Однако признавалось и то, что решающее слово в их судьбе принадлежит Москве, что раздел Европы — это надолго и что возможности ФРГ оказать влияние на страны ЦВЕ ограничены. Принципиальным отличием польского варианта восточной политики было именно стремление к международно-правовой субъективизации народов Центральной и Восточной Европы — то, чем Ostpolitik всегда была готова пожертвовать ради улучшения отношений с Кремлем.

Несомненные достоинства рецензируемой книги — богатая подборка относящихся к исследуемому периоду архивных документов и широкое применение метода неструктурированного интервью. П. Коваль является не только известным исследователем польской истории, но и политическим деятелем с опытом работы в сейме Польши и Европейском парламенте. Это позволило ему организовать многочисленные интервью с дипломатами и журналистами эпохи «бархатной революции». Кроме того, автор создал свою оригинальную анкету по методологическим и концептуальным вопросам восточной политики Польши и опросил 40 ведущих историков и политологов, что помогло точнее определиться с методологией исследования. Безусловно, книга П. Коваля представляет собой основательное и детальное исследование, дающее полное представление об истоках восточной политики Польши. Она, несомненно, станет жемчужиной в библиотеке любого специалиста по истории современной Польши.

Литература/References

1. Dębski, S. (2006), Eastern policy' — myth and doctrine, *Polski Przegląd Dyplomatyczny*, no. 3, pp. 5–18.
2. Szeptycki, A. (2011), A new phase of the Polish messianism in the East? Stanisław Bieleń, ed., *Poland's Foreign Policy in the 21st Century*, Difin, Warszawa, pp. 292–316.
3. Fedorowicz, K. (2011), *Poland's policy towards Russia, Ukraine and Belarus in 1989–2010*, Wydawnictwo Naukowe UAM Publ., Poznań.
4. Zając, J. (2016), *Poland's Security Policy*, Palgrave MacMillan, London.
5. Dudek, A. (2007), *Political history of Poland: 1989–2005*. Kraków, Arcana.
6. Dmochowski, A. (2013), *Between the Union and Russia*, Słowa i Myśli Publ., Warszawa.
7. Skubiszewski, K. (1997), *Foreign policy and regaining independence*, Interpress, Warszawa.
8. Makarczyk, J. (2016), New Eastern Policy, Skubiszewski, P., Stańczyk, J., eds., *Krzysztof Skubiszewski. Minister of Foreign Affairs of RP 1989–1993*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego Publ., Warszawa, pp. 47–60.
9. Skrzypek, A. (2008), *Clientelism mechanisms: Polish-Soviet relations, 1965–1989*, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztorza Publ., Pułtusk, Warszawa.
10. Grudziński, P. (1997), *Poland-Russia report: disagreement and cooperation*, Centrum Stosunków Międzynarodowych Instytutu Spraw Publicznych Publ., Warszawa.
11. Gel'man, V. (2013), *From the frypan into the fire: Russian politics after the USSR*, BKhV-Peterburg Publ., St. Petersburg. (In Russian)
12. Kuźniar, R. (2012), *Foreign policy of the Third Polish Republic*, Scholar, Warszawa, pp. 375–376.

13. Sikorski, R. (2009), September 1 — history lesson, *Gazeta Wyborcza*, August 29.

14. Ciosek, S. (2014), *Memories (not necessarily) diplomatic: stories from Poland and Russia*, Prószyński Media Publ., Warszawa.

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2019 г.

Статья рекомендована к печати 16 декабря 2019 г.

Информация об авторе:

Грецкий Игорь Владимирович — канд. ист. наук, доц.; igor.gretskiy@gmail.com

Neo-Prometheism in Poland's eastern policy

I. V. Gretskiy

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gretskiy I. V. Neo-Prometheism in Poland's eastern policy. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 1, pp. 136–142.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.109> (In Russian)

Received: November 20, 2019

Accepted: December 16, 2019

Author's information:

Igor V. Gretskiy — PhD, Associate Professor; igor.gretskiy@gmail.com